Яков Минченков

Левитан Исаак Ильич

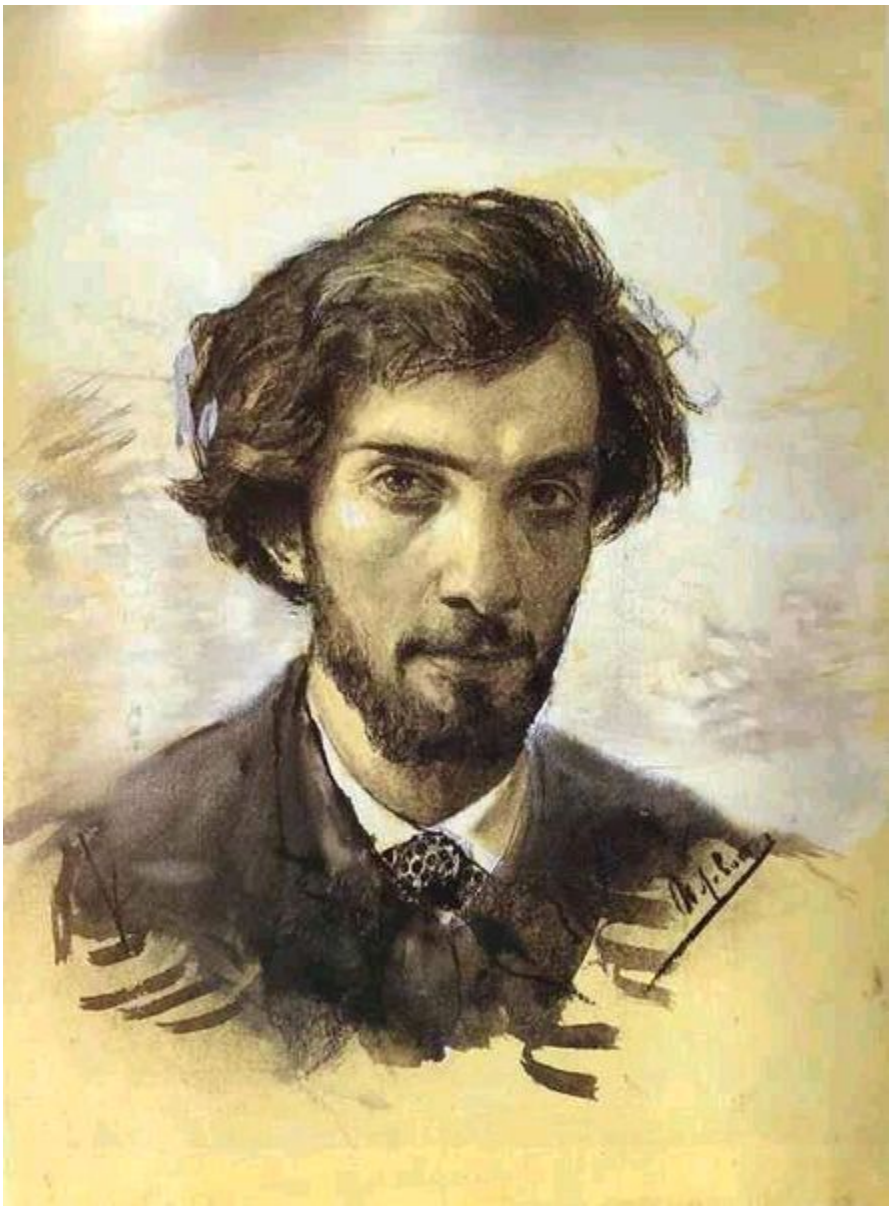
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Восьмидесятые годы должны были иметь своего выразителя и в пейзаже, как в литературе они его имели в лице Чехова. Разбитые надежды передовой интеллигенции тонули в тоске безвременья. Русская природа и убогие деревни, казалось олицетворяли собой настроение общества. Печальные равнины с рощами белоствольных берез и трепетных осинок, окольные дороги с протоптанными извилистыми пешеходными тропинками, уходящие к беспредельной синеве далей, деревенские сизые избы и сараи, разбросанные по пригоркам, золотой наряд осенних грустных дней просились в душу поэта-живописца и нашли своего выразителя в лице Левитана…»

- Яков Данилович Минченков
- Дополнения

Яков Данилович Минченков
Левитан Исаак Ильич



Восьмидесятые годы должны были иметь своего выразителя и в пейзаже, как в литературе они его имели в лице Чехова.

Разбитые надежды передовой интеллигенции тонули в тоске безвременья. Русская природа и убогие деревни, казалось

олицетворяли собой настроение общества. Печальные равнины с рощами белоствольных берез и трепетных осинок, окольные дороги с протоптанными извилистыми пешеходными тропинками, уходящие к беспредельной синеве далей, деревенские сизые избы и сараи, разбросанные по пригоркам, золотой наряд осенних грустных дней просились в душу поэта-живописца и нашли своего выразителя в лице Левитана.

И везде в его вещах вы слышите эту щемящую душу музыку, подслушанную им в тихом шелесте падающей осенней листвы и в говоре весеннего ручья, бегущего из-под тающих снегов. Пробуждающаяся природа не несет радости обновления и силы, в ней лишь скоропреходящий блеск безотрадной улыбки.

Портрет Левитана работы Серова охватывает его полностью, прекрасно выражая его духовное содержание. Смуглое лицо с глубокими впадинами задумчивых, с тихой печалью глаз. Этим взором оглядывает он мир и, отбрасывая детали, берет общее, самое главное. И грусть его изящна. Каждый мазок на его этюде говорит о красоте души художника-поэта. И эта красивая тоска опьяняет вас, как аромат цветов. Вы отдаетесь ей и не можете от нее оторваться. Ею было захвачено почти целое поколение пейзажистов, выражавших в своих произведениях левитановское настроение.

Однако оно не заглушало в нем чувства реального. Правда жизни видна во всех его произведениях. Он глубоко и упорно изучает натуру, делает массу этюдов, ищет самое существенное для своей картины, в которую вкладывает потом всю сумму своих знаний и переживаний. Не стеснялся, как и Врубель, прибегать даже к фотографии, если она помогала ему раскрыть в природе сложную задачу. Так, в картине «Март» прекрасно написанный снег под лучами весеннего солнца явился, как передавали товарищи Левитана, результатом не только непосредственного наблюдения, но и проверки соотношений светотени по фотографическим снимкам. Но нигде вы не увидите и признаков фотографии, нигде она не повела художника к грубому натурализму, не заставила его разменяться на ненужные детали.

Эту правду в передаче натуры Левитан требовал и от своих учеников, когда был преподавателем по классу пейзажа в Московском училище живописи. Он подолгу останавливался перед ученическими работами на выставках и метким, изощренным на природе глазом выхватывал из этюдов учеников самое верное и за него хвалил. Тогда выдвигался большой пейзажист С. Ю. Жуковский, еще учившийся в Училище. Левитан изучал каждый его этюд на выставке, расспрашивал, сколько времени он писал их, и от многих приходил в восторг.

В каждой вещи Левитана, в каждом этюде сказывалась его душа, слышалась его песня. Левитана породила переживаемая им эпоха и нянчила нужда. В то время многие чуткие талантливые натуры быстро изживали себя или уходили от жизни, впадая в крайний индивидуализм, мистицизм, а в худшем случае прибегали и к зелену вину. Всяко бывало.

Наряду с Левитаном мне рисуется никому не известная, никем не упоминаемая фигура его друга, школьного товарища Часовникова, прошедшего этап мистицизма до самой бездны.

В тяжелые дни ученичества, когда Левитану приходилось ночевать под скамьями в Училище живописи и питаться на три копейки в день, он подружился с Часовниковым, очень одаренным и чутким юношей. Василий Васильевич Часовников, находившийся в немного лучших материальных условиях, всячески помогал Левитану, делился с ним куском хлеба, давал бумагу, угли для рисования и оберегал от всяких неприятных случайностей в товарищеской среде. Эти две фигуры при всем своем несходстве имели в себе много общего, олицетворяя веяние времени.

Левитан еще в школе проявил себя талантливым пейзажистом со своей особой нотой. Он умел находить в природе мотив и умел овладеть им. Часто самый этюд его уже представлял целую картину.

Часовников говорил: «Пойдем мы компанией на этюды в окрестности Москвы, бродим, бродим и ничего не найдем интересного, а Левитан сядет у первой попавшейся лужицы и приносит домой прекрасный мотив для пейзажа, и вполне проработанный».

В классах работал хорошо и Часовников. Перов, его учитель, восторгался живописью его этюдов.

Левитан кончает школу и упорно пробивает себе дорогу. Сперва его, как и полагается для таланта, не признают, потом с ним мирятся и, наконец, восхищаются. Передвижники долго выдерживали его в экспонентах, но в конце концов должны были признать его талант и принять в число членов.

Часовников из Московского училища едет в Петербург, в Академию художеств, попадает к старым, дореформенным профессорам, никакой помощи у них не находит и сам ищет новых путей в искусстве. Хочет найти особые, главные линии в натурщике, упрощает колорит, бьется над неразрешимыми, им же самим поставленными задачами и, надорвавшись, бросает Академию и уезжает учительствовать в средней школе. Доля учителя рисования всем известна. Стать им – это значит похоронить себя как художника. Оторванный от художественной

среды, от восприятия художественных произведений, лишенный времени для самостоятельной творческой работы, учитель рисования обыкновенно бросал искусство, а если и пробовал когда писать, то, не видя в провинциальном городе ничего, кроме собственных работ, останавливался в своем развитии и затем быстро катился назад. Исключения представляли только очень сильные натуры, не порывавшие связи с центрами, с общей художественной жизнью.

В то время, когда Левитан находился в гуще художественной жизни, много видел, ездил за границу и в постоянной работе подымался все выше и выше, – Часовников, запершись в провинции, оставил искусство. Но утеряв веру в искусство, в свое к нему призвание – во что же верить и чем жить?

Он видит кругом насилие, греховность мира, мрак и нищету. Кто укажет спасение от них и новый путь для жизни? Умами многих владел тогда Толстой. Часовников окружает себя всем, что пишет о жизни наш Савонарола, и ищет у него решения всех вопросов и спасения для себя.

Наслушавшись о Часовникове в Москве от его товарищей, я напал на его след на юге, в Новочеркасске. Был у него на квартире. Свою комнату он и уходя не запирает, да в ней, кроме книг, почти и нет ничего. Спит на досках. Интересуется жизнью искусства, особенно московского, в питерцев не верит: у них искусство по повелению императорского двора, москвичи хоть от этого более свободны.

Много расспрашивает и говорит о Левитане, восторгается им. Но все это между прочим, это прошлое, а сейчас он буквально горит над решением вопроса: как жить, что делать, чтобы спастись от греховной жизни? А грех, преступление везде.

– Чему мы учим? – спрашивает меня. – Ведь вся наука в теперешнем виде ложь, она для того, чтобы одним жилось хорошо, а другим приходилось бы только работать всю жизнь, без просвета, на богачей. И мы повинны в этом, мы пользуемся их каторжным трудом, так как не можем оторваться от общества, породившего нас и содержащего нас для своих надобностей или своей потехи. Я преподаю рисование и черчение в техническом училище, но чему научаем мы там своих учеников? Делать замки! Да замки для своих детей, для самих себя. Вот Толстой указывает это. Подождите, может, он найдет, как жить надо. Я жду. А пока надо самоусовершенствоваться, чтобы потом обновленным, с другим сердцем подойти к разрешению проклятого вопроса.

Часовников смотрел на меня глубокими глазами, просил:

– Вот что: искусство все же должно быть. Оно было и у рабов. Кроме замков, я хочу, чтобы они могли внести в свою работу то,

что сохраняли и рабы, – чувство красоты. Ведь это единственное, что поднимало раба в его труде выше уровня рабочего скота. Так вот, пришлите нам образцы народного художественного творчества, резьбу по дереву, литье, кованые вещи, постройки. Они насмотрятся и, может, что сами сумеют. А иначе как же? Они для себя ничего не имеют в своей работе.

Из Москвы я выслал ему все, что мог найти по его просьбе, и получил благодарности в письмах, насыщенных тем же горением духа, жаждой найти выход из тупика жизни.

Левитан вырос в большую величину. Каждый пейзаж его был событием на передвижной выставке. Он берег свою славу, вынашивал подолгу вещи и ставил только то, что его удовлетворяло. Вещи, которые оказывались на выставке по его мнению слабыми, он снимал и увозил, не показывая публике. Из десятка привозимых на выставку вещей он снимал иногда половину. Иные переписывал, другие уничтожал. Частых повторений, как у большинства пейзажистов, у него не было. Почти в каждую картину вносил он новую ноту.

Его возмущало количество представляемых на выставку необработанных, непродуманных вещей, повторений старых мотивов, картинного базара.

– Для чего это? – показывал он на ряд пейзажей. – Думают попросту заработать и жестоко ошибаются. Простой расчет: ведь на этом рынке будет взято потребителем ровно столько, сколько он может затратить, ни больше, ни меньше, а потому не следует выходить из границ, а делать только то, что самого удовлетворяет. Этот базар ни к чему. Учеников своего пейзажного класса возил на ученическую дачу на этюды, «заражаться природой».

– Без этого нельзя, – говорил Исаак Ильич. – Надо не только иметь глаз, но и внутренне чувствовать природу, надо слышать ее музыку и проникаться ее тишиной.

Он был охотник, ходил на тягу вальдшнепов и, конечно, не ради самой охоты, стрельбы, но чтобы переживать моменты, связанные с охотой, которые давала ранняя весна.

Он красиво описывал время пробуждения природы, вечерние зори ранней весны и остатки снега в березовых рощицах, окутанных сумерками.

Третьяковская галерея отражает все этапы творчества Левитана в последовательности его развития. Здесь и ранняя «Осень в Сокольниках», «Плес на Волге», «После дождя», «Омут», «Март», «Золотая осень», «Солнечный день» и, точно реквием самому себе, – «Над вечным покоем».

С приходом славы изменилось и материальное положение

Левитана. Он вышел из подавляющей его нищеты и мог не отказывать себе во всех потребностях культурного художника. Жил в тихом дворе, в небольшом уютном особняке с простой, но изящной обстановкой, ездил за границу, где работал и видел все, что было лучшего в искусстве.

Меня удивляло, что Часовников не имел общения со своим другом, хотя бы письменного. Что разъединило их? Я напомнил Левитану о нем. Исаак Ильич глубоко задумался и своим, особым, как бы заглушённым голосом заговорил.

– Да, да! Он стоит передо мной, не знаю, как сказать, – как живой укор совести. Не знаю, в чем я виновен, но чувствую свою вину, и не перед ним, а перед всеми. Он как бы моя перешедшая в него совесть, которая говорит мне то, что нашептывает и природа. Это неразгаданное и грустное, грустное без конца. И как тяжело бывает остаться наедине со своею совестью – так чувствую я себя при воспоминании о Василии Васильевиче.

Исаак Ильич прикрыл лицо рукой и долго просидел неподвижно.

Я подумал, что Часовников не хотел наводить тень на жизнь друга своим внутренним разладом.

Когда произошел в Товариществе передвижников раскол и свежие силы во главе с Серовым покинули Товарищество и образовали художественное общество «Союз русских художников», Левитан примкнул к «Союзу», но из Товарищества все же не вышел и присылал на передвижные выставки свои картины. Что удерживало его в Товариществе – неизвестно. Некоторые говорили, что Исаак Ильич делал это из чувства признательности к Товариществу, которое встало на его защиту, когда Левитану как еврею грозило выселение из Москвы. Во всяком случае им руководило не желание материальных выгод. Этим Исаак Ильич никогда не был заражен. В Товариществе он оставил о себе самое светлое воспоминание, как человек безукоризненной честности в жизненном обиходе, в отношении к искусству и Товариществу.

Левитан стал кумиром юношества – пейзажистов. Все передовые художественные общества стремятся заполучить его вещи на свои выставки, и картины его распродаются в первые же дни. Судьба признала свою несправедливость к Левитану и после годов нужды и страданий венчает его лаврами и дает возможность не думать о завтрашнем дне, свободно отдаваться искусству.

Но поздно. Силы надорваны, ослабело сердце. На выставке Левитан с трудом подымается по лестнице.

– Все бы хорошо, а вот от этого пустяка, – показывает на

сердце, – нет настоящей жизни.

Товарищеский парадный обед. Высказываются всяческие пожелания. Усталое лицо Левитана вдруг вспыхивает, он приподымается, упирается одной рукой о край стола и, как будто стремясь куда-то вперед, воодушевленно говорит:

– Надо жить, и жить красиво! Надо побороть и забыть свои страдания, надо пользоваться жизнью, ее светом, ее радостью, как блеском солнечного дня. Мы еще успеем сойти, об этом нечего и думать, а сейчас выпьем последние сладкие остатки из жизненного бокала, упьемся всем лучшим, что может дать нам жизнь!

Он схватил бокал и звонко ударил о бокал соседа.

От Часовникова получаю снова письмо с заказом – прислать книги по прикладному искусству, по русскому народному творчеству, а в конце приписка: «Не найду выхода из тупика, вижу, что и Толстой его не нашел, сам собой я тоже ни к чему не приду, надо отдать себя кому-то другому, сильнее меня, и пусть ведет меня, куда знает. Но где эта сила, которая бы сковала мою волю, заглушила бы мои сомнения и пусть хоть убила бы меня? Где эти верные руки? Я их не вижу». На этом переписка с ним окончилась, на свои письма я не получал больше ответа и не знал, у кого же мне справиться о Часовникове.

Весной в Москве получил от Левитана записку; просит зайти к нему, чтобы поговорить о его делах в Товариществе.

В назначенный час прохожу двор левитановского домика. Над дорожкой цветущие кусты сирени, а день солнечный, радостный, весенний.

Дверь в передней оказалась отпертой, в квартире пусто. Вошел в гостиную и из спальни услыхал голос Исаака Ильича:

– Вот видите – я лежу в постели, противная хвороба не вовремя… Идите ко мне, поговорим.

А мне нравилось осматривать гостиную, и я задержался. Редко приходилось встречать такое у товарищей-передвижников. Много света, блестящий паркетный пол, все чисто, ново, изящно. Тонкие рамы, и картины в них мелодичные и точно благоухающие тонким ароматом.

Я вспомнил слова Левитана на обеде и подумал, что он действительно умел пользоваться жизнью, как блеском солнечного дня.

А сейчас он лежал бледный и слабый на белоснежной подушке. Глаза стали еще более глубокими.

После короткого делового разговора Левитан погрузился в мечты о поездке в деревню и работе среди природы.

– Держит вот меня болезнь, а пора бы уже давно в деревню.

Теперь там хорошо. Жаль, что упустил тягу. Ничего, и ранняя зелень хороша… тонкая-тонкая, с розовыми и фиолетовыми полутонами. Необыкновенная деликатность. Необходимо прежде всего почувствовать эту мелодию. Вот из молодых у вас к ней прислушивается Бялыницкий-Бируля. Пусть поют все молодыми голосами этот гимн природы. Может, иначе, чем мы, – радостнее. А я тоже, как только подымусь, – сейчас туда, под солнце, к избам, к ярким полоскам озимей. Хорошо, ведь, право же, хорошо!

Он так говорил, а видно было, что у изголовья его, как в портрете Беклина, та неизбежная гостья играет уже на одной струне свою грустную мелодию…

Распрощался я с чувством, что навсегда. Прошел через пустую гостиную. В раскрытое окно лился весенний свет, пахли расставленные на подоконниках гиацинты, на стенах – картины в изящных рамах, а на трюмо – дамская шляпа и длинные лайковые перчатки…

В начале лета ехал я на юг и проездом через Новочеркасск решил остановиться от поезда до поезда, чтобы повидать Часовникова. Час был дообеденный, думал застать его в училище, которое было за городом. На извозчике подымаюсь в гору по улице пустынного, сонного города. Жара нестерпимая, сушь и пыль. Извозчик жалуется: «С весны ни одного дождя, что поделаешь?»

Вдруг, откуда ни взялась, рыжая малая тучка. Круглилась, круглилась и разразилась настоящим ливнем, а гром, казалось, разрывался над самой головой.

Весь мокрый подъехал я к училищу и вскочил в подъезд. Обращаюсь к сторожу:

– Как мне повидать Василия Васильевича?

Степенный старик, посмотрев на меня через очки, переспросил:

– Василия Васильевича? – и многозначительно добавил: – Такого уже нет.

– Неужели, – говорю, – умер?

– Нет, не умерли, но у них другое имя.

– Как так? Ничего не понимаю.

– А так, что они давно уже ушедши в Соловецкий монастырь и переменили свое имя в пострижении.

Я содрогнулся. В детстве пришлось мне видеть труп удавленника. Синее лицо с выпученными глазами произвело на меня потрясающее впечатление, и долго призрак его пугал мое воображение. И сейчас я точно увидел этот страшный призрак самоубийцы, и мне захотелось скорее бежать от него, уехать из

этого города.

Тем же извозчиком поехал обратно на вокзал. Я старался свои мысли направить на что-либо другое, и тогда в воображении моем вставала квартира Левитана с гиацинтами на подоконниках, цветущей сиренью во дворе, блестящий паркет, рояль, дамская шляпка – и тут же вырастала фигура Часовникова, бьющегося в покаянии головой о каменные монастырские плиты.

То вдруг чувствовал устремленный на меня глубокий, тихий и грустный взор Левитана, который сменялся воспаленными глазами Часовникова. Чудилась сладостно щемящая мелодия, переходившая потом в покаянный вопль отчаяния. Что со мной? Не заболел ли?

До поезда еще оставалось много времени, и я остановил извозчика у писчебумажного магазина. Вхожу и сажусь.

– Что вам будет угодно? – спрашивает продавец старообрядческого вида с длинной узкой бородой.

– Пока ничего, дайте посидеть.

– Так вы, вероятно, хотите посмотреть на эти вещи? – говорит продавец, показывая на стены.

На стенах я увидел этюды Часовникова.

– Зачем это у вас? – спрашиваю хозяина.

– А вот после Василия Васильевича это его единственное оставшееся имущество поступило в распродажу, но спрос, видите ли, небольшой. Необразованность, и какой кому здесь интерес? Больше военные, которые, чтобы выпить или поиграть в карты. Можно сказать, даже земства в области не завели.

Видимо, покупателей заходило в магазин мало, и хозяин рад был поболтать от скуки.

Я этим воспользовался и стал расспрашивать его о Часовникове. Он говорил:

– Истинно сказать – Василий Васильевич был человек особенный: искатель правильной жизни. Его хозяйка говорила: живет, как угодник, хоть нет того, чтобы перекреститься, нет того, чтоб помолиться, в церковь никогда не заглядывает. Книги читал да с мастерами возился, кое-что разъяснял им. Начальство начало за ним присматривать, а у него и двери всегда настежь, и ничего в квартире не найдете. Так вот – искал, он искал, озирался кругом и ничего не нашел для себя потребного. Не справился с собой и отдал свою душу другим в распоряжение, на себя как бы, в некотором смысле, руки наложил. Вот как я это дело понимаю.

Когда я возвратился в Москву, Левитана уже не стало. Мне рассказывали, как его хоронили, какие говорили речи, с какими поэтами сравнивали и сколько венков и цветов было на его могиле.

Невольно я спросил: «Не знает ли кто, что стало с Часовниковым?» – «Как, вы не читали в газетах? – ответил один из его школьных товарищей. – Он уехал миссионером в Китай и там погиб этим летом во время боксерского восстания».

Дополнения

Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – выдающийся живописец-пейзажист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у А. К. Саврасова и В. Д. Поленова. На передвижных выставках его произведения экспонировались с 1884 по 1900 г. (член Товарищества с 1891 г.). С 1898 г. – академик пейзажной живописи. В произведениях Левитана, составляющих одну из вершин русского реалистического пейзажа, запечатлены проникновенные, исполненные глубокой поэзии образы русской природы, то отмеченные настроениями лирической грусти, то – особенно в последний период его творчества – ликующие, радостные и мажорные. В 1898–1900 гг. руководил пейзажным классом Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

В. А. Серовым выполнены два портрета И. И. Левитана: маслом (1893) и пастелью (1900, посмертно); оба находятся в Государственной Третьяковской галерее.

«Март» И. И. Левитана (1895) находится в Государственной Третьяковской галерее.

Часовников Василий Васильевич (1864–1900) – живописец-пейзажист. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в петербургской Академии художеств. Работал учителем рисования в Новочеркасске. Постригся в монахи, уехал миссионером в Китай.

Перов Василий Григорьевич (1833–1882) – выдающийся живописец, один из крупнейших представителей критического реализма в русской живописи. Учился в Арзамасской художественной школе А. С. Ступина, а затем в Московском училище живописи и ваяния. Был одним из членов-учредителей Товарищества передвижников, на выставках которого выступал с 1871 по 1875 г. Среди его многочисленных живописных и графических работ имеются произведения обличительного бытового жанра («Первый чин», «Проповедь в селе», «Чаепитие в Мытищах», «Сельский крестный ход на пасхе», «Проводы покойника», «Тройка», «У последнего кабака» и др.), глубокие по социальной и психологической характеристике портреты (Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, купца И. С. Камынина и др.), исторические картины («Суд Пугачева» и др.). С 1871 г. преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где у него учились Н. А. Касаткин, М. В. Нестеров, С. А. Коровин, А. П. Рябушкин и многие другие художники.

Савонарола Джироламо (1452–1498) – итальянский монах, религиозно-политический реформатор. В переносном смысле –

страстный проповедник и фанатический поборник каких-либо истин.

Пейзажи И. И. Левитана *«Осенний день. Сокольники»* (1879), *«Вечер. Золотой плес»* (1889), *«После дождя. Плес»* (1889), *«У омута»* (1892), *«Золотая осень»* (1896), *«Солнечный день. Деревня»* (1898), *«Над вечным покоем»* (1894) находятся в Государственной Третьяковской галерее.

…Левитан примкнул к «Союзу»… – неточность. Левитан умер за три года до организации «Союза русских художников».

Беклин Арнольд (1827–1901) – швейцарский живописец-символист. Имеется в виду его «Автопортрет со смертью».

«Боксерское восстание» – так раньше называли народное антиимпериалистическое восстание в Китае (1900–1901).